

Страницы прошлого

Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления

Алексей Львович БЕГЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук; доцент НИЯУ МИФИ. Адрес: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32А. E-mail: beglov.al@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Беглов А.Л. (2018) Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 104–129.

DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129

АННОТАЦИЯ. В статье описывается международная деятельность Русской Православной Церкви Московского патриархата в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях (конец 1930-х – первая половина 1950-х гг.). В зависимости от того направления международной деятельности Русской Церкви, которое в тот или иной момент считало приоритетным советское руководство, автор выделяет пять основных этапов «нового курса». Первый этап пришелся на конец 1930-х – 1943 гг., когда «новый курс» оставался тайной политикой сталинского руководства, направленной на включение православных религиозных структур присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. территорий в систему управления Московской Патриархии, а затем на установление по религиозным каналам контактов с союзниками по антигитлеровской коалиции. Вто-

рой этап пришелся на 1943–1948 гг., когда основные усилия церковной дипломатии были направлены на включение в орбиту влияния Московского патриархата православных церквей Восточной Европы, а затем (с 1945 г.) была предпринята неудачная попытка добиться ведущей роли Русской Православной Церкви в мировом православии. Третий этап пришелся на 1948–1949 гг., когда обозначился кризис «нового курса». Наконец, четвертый этап начался после 1949 г. с включением Русской Православной Церкви в международное движение борьбы за мир и преодолением кризиса государственно-церковных отношений. Особое внимание автор уделяет московскому Совещанию глав и представителей Православных Церквей 1948 г., которое выявило расхождение в интересах государства и Церкви и запустило кризис «нового курса». Кроме того, в статье сделан

экскурс в историю внешнеполитической активности представителей Русской Православной Церкви в период до революции 1917 г., а также ее международных связей в межвоенный период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *История России (СССР) в XX в., Русская Православная Церковь, международные отношения, религиозная политика сталинского руководства, «новый курс» в государственно-церковных отношениях, международная деятельность религиозных организаций СССР, православное зарубежье, Совецание глав и представителей автокефальных Православных Церквей 1948 г.*

Международная деятельность религиозных организаций в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. Особенный интерес вызывает внешнеполитическая деятельность христианских церквей в период холодной войны и блокового противостояния, прежде всего международная деятельность Русской Православной Церкви, которая была особенно разнообразна и динамична в 1940-е гг. [Белякова 2017, с. 7–18; Beglov, Belyakova 2012, pp. 171–192]. При этом выход Русской Церкви на международную арену после вынужденной двадцатилетней изоляции совпал с обновлением всей системы международных отношений, с превращением СССР в одну из сверхдержав, с формированием Ялтинской системы и bipolarного мира. Векторы международной политики, заложенные в 1940-е гг., во многом оставались актуальными для последующих 50 лет. В полной мере это касалось и форм международной активности религиозных объединений СССР. Задача настоящей статьи – дать обзор основных направлений внешнеполитической деятельности Русской Православной Церкви с конца 1930-х до начала 1950-х гг., по-

казать место Церкви в международных планах сталинского руководства, а также указать на взаимосвязь его внутренней религиозной политики и международной активности религиозных организаций страны. При этом говорить о зарубежном присутствии Русской Церкви в 1940-е гг. невозможно без хотя бы краткого обзора подобной ее деятельности в межвоенный и дореволюционный периоды.

При описании религиозной политики советского руководства в 1940-е гг. в историографии, как правило, используется понятие «новый курс» в государственно-церковных отношениях. Оно было введено О.Ю. Васильевой для комплексной характеристики советской религиозной политики в отношении Русской Православной Церкви, а затем и других религиозных объединений страны. Васильева впервые описала все основные элементы этой политики, ее последствия для церковной жизни, а также подчеркнула сугубо прагматический характер «нового курса», показав, что главной целью Сталина и его окружения была мобилизация церковного авторитета для реализации их внешнеполитических планов [Васильева 1999]. Этот вывод в целом принят современной историографией. Параллельно М.И. Одинцов и Т.А. Чумаченко описали основные этапы религиозной политики советской власти 1940–1950-х гг., сделав акцент на истории Совета по делам Русской Православной Церкви – органа, созданного в 1943 г. для наблюдения за церковной жизнью в СССР и координации международной деятельности церковных структур [Чумаченко 1999; Одинцов, Чумаченко 2013; Одинцов, Кочетова 2014]. Различные авторы (М.В. Шкаровский, В.Н. Якунин и др.) углубили наши представления о ведущих направлениях международной деятельности Русской Церкви этого периода [Шкаровский 1999; Якунин (1) 2002;

Якунин 2003]. В частности, зарубежные исследователи значительное внимание уделили взаимодействию по церковным каналам с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции [Ketola 2012; Miner 2003; Майнер 2010]. Также вышли в свет исследования об истории отношений коммунистических режимов и христианских церквей и о взаимодействии просоветских режимов с одной стороны и Русской Церкви с другой с православными церквями Восточной Европы [Волокитина, Мурашко, Носкова 2008; Beljakova, Bremer, Kunter 2016]. В последние годы появились труды, авторы которых стремятся дать новый обобщающий взгляд на рассматриваемые события. В связи с этим следует назвать монографию С.В. Болотова, посвященную международной деятельности Церкви периода «нового курса», а также книгу итальянского исследователя А. Роккуччи, который стремится изучить весь комплекс взаимосвязей внутренней и внешней религиозной политики сталинского руководства [Болотов 2011; Роккуччи 2016]. При этом необходимо отметить, что в историографии продолжается дискуссия по ряду ключевых проблем этого периода, в частности о причинах кризиса «нового курса» в 1948 г., о чем мы также скажем в настоящей статье.

Международное присутствие Российской Православной Церкви до 1917 г.

Международная деятельность Российской Церкви до революции имела разнообразные формы и, хотя в целом находилась в русле имперской внешней политики, в некоторых случаях отличалась определенной независимостью. Можно выделить несколько направлений церковной внешнеполитической активности в этот период.

На европейском направлении деятельность Российской Церкви была наиболее тесно связана с официальным правительственным курсом. Здесь церковное присутствие было частью российского дипломатического присутствия. Православные храмы действовали при дипломатических представительствах Российской империи, их штат финансировался по линии Министерства иностранных дел, костяком их прихожан были относительно немногочисленные российские подданные. Священники, помимо своих прямых обязанностей, могли выполнять и особые поручения, например поддерживать контакты с представителями местных церквей или сочувствовавших России местных элит. В Стамбуле и Афинах ключевой обязанностью российских священников были контакты с Константинопольской и Греческой Православными Церквями. Вместе с тем духовенство, служившее при дипломатических представительствах в Европе, в течение XIX в. сделало много для углубления культурных контактов с местным населением и христианскими общинами, для лучшего их знакомства с православием. Так, многолетние усилия русских священников в Лондоне привели к значительному сближению Англиканской и Российской Православных Церквей, так что на рубеже XIX–XX вв. энтузиасты сближения говорили даже о возможности соединения этих церквей [Жалнина-Василькиоти, Шкаровский 2017; Сарни 2003, с. 297–324].

В наименьшей степени церковная и государственная политика были интегрированы в Америке и Японии. Здесь в начале XX в. существовали устойчивые епархиальные структуры Российской Церкви, возглавлявшиеся авторитетными епископами. При этом подавляющее большинство прихожан составляли не подданные Российской

империи, а представители местного населения: обратившиеся в православие японцы или православные граждане США разного этнического происхождения (коренные американцы, русины, сербы, арабы и др.). И хотя Американская и Японская епархии поддерживались в финансовом и кадровом отношении из России, но в целом церковные интересы здесь превалялись: иерархи заботились именно о преуспевании своей паствы, об укреплении церковных структур, о развитии православной миссии и т.п. По сути, российские епархии в Америке и Японии были прообразами самостоятельных церквей. В случае очевидного рассогласования церковных и имперских интересов выбор делался в пользу соблюдения первых. Так, предстоятель епархии Российской церкви на Японских островах епископ Николай (Касаткин) в период русско-японской войны отказался покинуть свою паству и выехать в Россию, хотя существовала опасность, что он будет интернирован. Более того, еп. Николай благословил православных японцев молиться за своего императора и за победу японского оружия, сам же на период войны отказался от совершения публичных богослужений, во время которых возносились молитвы о гражданских властях [Климент 2009; Чех 2001].

В Китае, Корее, Персии наблюдался сложный симбиоз государственных и церковных интересов. Созданные здесь духовные миссии ориентировались на местное население – китайцев, корейцев, ассирийцев-несториан, принявших православие. Одновременно они взаимодействовали с русскими дипломатическими представителями или даже – как это было на раннем этапе существования китайской миссии – выполняли дипломатические функции. В результате у местного неправославного населения они ассоциирова-

лись с российскими имперскими интересами и в случае кризисов в двухсторонних отношениях оказывались под ударом. Так, русская духовная миссия в Китае серьезно пострадала во время так называемого восстания боксеров 1898–1901 гг., когда были замучены более 200 православных китайцев, а Урмийскую миссию вместе с ее паствой пришлось эвакуировать из северной Персии после начала Первой мировой войны [Тихвинский, Мясников, Ипатов, Поздняев 1997; Шкаровский (2) 2009, с. 78–113; Стефан, с. 73–112].

Особняком стояла Русская духовная миссия в Иерусалиме, которая представляла собой уникальную форму церковного присутствия в месте сосредоточения главных христианских святынь. Ключевой задачей миссии было расширение сети русских церковных владений в Святой Земле, кроме того, она поддерживала контакты с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами, обеспечивала прием русских паломников, развивала монашескую жизнь. При этом на протяжении долгого времени ее руководители находились в напряженных отношениях с русскими дипломатическими представителями в Палестине [Балашов, Бибииков 2016, с. 321–503; Лисовой 2006; Смирнова 2016; Вах 2017, с. 459–532].

Первая мировая война отличалась «беспрецедентной степенью идеологизации этого международного конфликта» [Полунов 2012, с. 64], причем ведущим инструментом идеологической борьбы была апелляция к религиозным ценностям. К риторике «религиозной войны» прибегали все воюющие стороны. В этих условиях в российском обществе развернулись интенсивные дискуссии о роли православия в международной сфере и о новом месте Российской Православной Церкви среди других Церквей по окончании войны. В дискуссии были вовлечены государ-

ственные деятели, иерархи, светские и церковные эксперты и публицисты. Их волновали вопросы об отношениях Российской Церкви с православными и греко-католическими церквями Восточной Европы, с древними патриархатами Константинополя и Палестины. В связи с этим выдвигались самые разные, порой фантастические, проекты (например, прямого присоединения Палестины к России через широкий сухопутный коридор). Всем им не суждено было осуществиться, но поднятые в ходе обсуждения вопросы оказались актуальны и для советского периода [Полунов 2012, с. 64–85].

Международные связи Российской Церкви в межвоенный период (1918–1938)

Переворот 1917 г. разрушил систему зарубежного церковного представительства, разорвав связи с метрополией и лишив финансирования заграничные церковные структуры. Вместе с тем первая волна российской эмиграции сформировала многочисленную русскую диаспору, что значительно изменило национальную и социальную структуру русских православных приходов за рубежом. Особенно заметно это было в Европе и Америке, в меньшей степени – в Китае и Японии. В Европе возникли новые епархиальные структуры. Более того, возник новый церковный центр – Архиепископальный синод в Сремских Карловцах (Югославия), который претендовал на то, чтобы возглавить все русские заграничные приходы в условиях ослабления связей с Москвой. В русской церковной эмиграции началась борьба за лидерство, отягощенная политическими обстоятельствами. В результате к концу межвоенного периода приходы рус-

ской церковной традиции за рубежом оказались разделены между несколькими юрисдикциями: Русской Православной Церковью за границей (Карловацкий синод), русским экзархатом в юрисдикции Константинопольского патриархата, Русской Православной Церковью Московского патриархата. Епархии в Америке и на Дальнем Востоке, по сути, имели самостоятельный характер. При этом самыми многочисленными оказались структуры, сохранившие связь с церковной метрополией – Москвой. К концу межвоенного периода в общении с ней остались лишь епархия Литвы и отдельные приходы во Франции и в США. Оторванными от Москвы оказались и епархии на бывших окраинах Российской империи – в Финляндии, Эстонии, Латвии и Польше. Здесь возникли новые церковные образования, перешедшие в юрисдикцию Константинополя. Причиной этого стало давление со стороны молодых национальных государств, которые стремились вывести из-под влияния Москвы православные церкви своих стран и утвердить их национальный характер. Причем в качестве инструментов «национализации» православных церквей рассматривался не только их переход в юрисдикцию Константинопольского патриархата, но и заключение унии с католической церковью. Такие планы, в частности, вынашивали власти Эстонской республики [Митрофанов 1995; Цытин 1997, с. 553–587; Шкаровский (2) 2009; Белякова 2008, с. 224–250; Комаров, Токарева 2014, с. 136–159].

Международные связи Московского патриархата слабели в условиях жесткой антирелигиозной политики советской власти. Сами контакты с заграничной становились опасными, поскольку интерпретировались властями как свидетельство о наличии церковного заговора с зарубежным участии-

ем. Карловацкий синод прекратил общение с Московским патриаршим престолом после 1927 г., когда председатель Российской Православной Церкви Московского патриархата митр. Сергей (Страгородский) выпустил декларацию о лояльности советской власти. В 1931 г. от Москвы отошла Западно-европейская епархия Московского патриархата. Ее глава митр. Евлогий (Георгиевский) под давлением советской власти был смещен со своего поста за участие в публичной молитве о гонимых христианах в СССР, но не подчинился этому решению Москвы. Константинопольский и Александрийский Патриархаты прервали отношения с Московским патриаршим престолом еще в начале 1920-х гг., поскольку в качестве законной церковной власти в Советской России они признавали структуры так называемых обновленцев – движения, инспирированного советской властью [Цытин 1997, с. 553–587; Кострюков 2011; Кострюков 2015; Мазырин, Кострюков 2017; Beljakova, Bremer, Kunter 2016].

Сама советская власть, сделав ставку на обновленцев, поддерживала их международную активность. Были санкционированы их контакты с Восточными православными патриархатами. Эмиссары обновленцев появились в Европе и в США, стремясь установить контроль над русскими зарубежными приходами и вступая в борьбу за церковную собственность за границей [Митрофан 2006, с. 162–175; Соловьев 2008, с. 273–281; Болотов 2011, с. 37–38]. Патриаршая Церковь находилась под жестким давлением власти и не могла развивать самостоятельную международную деятельность. В 1931 г. она должна была отказаться от участия в Догматической православно-англиканской комиссии, которая созывалась в Лондоне «с целью подготовить дело сближения и соедине-

ния этих церквей». (Отказались от участия и обновленцы.) В 1932 г. представители Русской Церкви не участвовали в заседаниях Всеправославного Просинода (предсобора), который созывался на Афоне для подготовки будущего Всеправославного собора [АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Лл. 45–48; Мазырин 2015, с. 333–357; Мазырин, Кострюков 2017].

При этом советская власть цинично использовала церковный авторитет в своих целях. Ярким примером таких манипуляций стала контрпропагандистская кампания, развернутая советским руководством в ответ на выступления западных христианских лидеров и общественности в защиту верующих в СССР в начале 1930 г. Ключевым компонентом этой кампании были выступления самих российских верующих с опровержениями фактов преследования за веру в советской России. Сегодня мы знаем, что они были сделаны под давлением или прямо фальсифицированы. Так, ставшее тогда скандально известным «интервью» председателя Российской Православной Церкви митр. Сергия (Страгородского) было написано непосредственно Сталиным, Е. Ярославским, В.М. Молотовым [Курляндский 2011, с. 444–455; Беглов 2018]. Фальсификация интервью нанесла ощутимый удар по авторитету российских церковных лидеров. Но советская власть расценивала этот опыт привлечения представителей Церкви для решения своих внешнеполитических задач как успешный, что было важно для дальнейшего развития государственно-церковных отношений уже в 1940-е гг. (ср.: [Болотов 2011, с. 43]). При этом епископы и рядовые верующие Русской Церкви пытались поддерживать контакты с границей – разумеется тайные, – чтобы донести подлинную информацию о положении религии в СССР. В большинстве случаев это заканчивалось трагически [Ко-

сик 2013; Беглов 2018]. Другого не могло быть в условиях политики уничтожения традиционных религиозных институтов, которую власть проводила в 1920–1930-е гг.

Переход к новой религиозной политике в СССР

Ситуация начала меняться в конце 1930-х гг. В 1939–1940 гг. к Советскому Союзу были присоединены Прибалтика, Западные Белоруссия и Украина, Бессарабия, где существовали православные епархиальные структуры, несколько тысяч приходов и несколько десятков монастырей. В условиях мировой войны советское руководство сочло необходимым отложить репрессивные акции против духовенства и верующих на новых территориях и санкционировало их подчинение руководству Московского Патриархата. В западные регионы страны были назначены епископы Российской Православной Церкви, проведены официально разрешенные епископские хиротонии [Курляндский 2011, с. 542–543]. Это было заметным отступлением от ранее принятого курса на последовательное разрушение епархиальных структур Патриаршей Церкви.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что советское руководство не принимало никаких решений о корректировке – пусть даже секретной – прежнего репрессивного курса. Документ о прекращении репрессий в отношении Православной Церкви, якобы принятый Политбюро ЦК ВКП(б) осенью 1939 г. и опубликованный в конце 1990-х гг., хотя и был использован в работах ряда академических исследователей, сегодня признается фальсификацией [Курляндский 2011, с. 523–540]. Репрессии против духовенства и верующих продолжались не только в 1939–

1940 гг., но и в начале Великой Отечественной войны. Именно в первые ее месяцы на священнослужителей обрушилась одна из самых жестоких репрессивных волн [Плякин 2017, с. 169–182]. Таким образом, в последние предвоенные годы власть снова использовала Церковь для решения своих политических задач, не прекращая при этом репрессивного давления на нее. Однако в этот период в действиях власти проявлялась и новая черта: задачи, поставленные советским руководством перед руководством церковным, не противоречили интересам Российской Церкви. Восстановить церковное общение и административное взаимодействие с ранее изолированными от нее частями было естественным стремлением российской иерархии. Поэтому мы говорим о начале новой политики именно в предвоенные годы. Точнее, следовало бы сказать, что элементы новой политики начали в это время прорастать сквозь прежний политический курс. Такая ситуация сохранялась и в начале Великой Отечественной войны, хотя число поводов для взаимодействия власти и Церкви с ее началом заметно увеличилось.

Этапы «нового курса»

Ключевой особенностью «нового курса» было совпадение интересов Церкви и государства (ср.: [Роккуччи 2016, с. 199]). Это принципиальное отличие периода 1940–1950-х гг. как от довоенного, так и от более позднего времени, когда власть эксплуатировала церковный фактор в международных отношениях, не учитывая интересы Церкви (ср.: [Васильева 2004; Беглов 2018]). В условиях этого совпадения интересов Церковь и советское государство нашли новый *modus vivendi*. Причем в его рамках уступки были вза-

имными. Власть осознавала, что успешные действия церковных лидеров на международной арене невозможны без расширения сферы церковной жизни в самом СССР, и шла навстречу их пожеланиям, в том числе в части открытия церквей. Проследим основные этапы «нового курса» в зависимости от тех задач, которые ставились перед международной деятельностью Церкви на каждом из этих этапов. Необходимо оговориться, что границы выделенных нами этапов условны, завершение одного из них вовсе не означало, что власть и Церковь полностью переставали реализовывать задачи, поставленные в рамках предшествующего этапа, речь идет о доминирующих направлениях международной активности, которые сменяли, но не отменяли друг друга.

Первый этап, 1939–(1941)–1943. В это время «новый курс», по сути, оставался тайной политикой советского руководства, о нем не объявлялось открыто, не все представители советской власти понимали, что в отношениях между Церковью и государством происходят изменения. Это отчетливо было видно на примере отношений советских партизан к священнослужителям на оккупированных вермахтом территориях. Священник, начавший служить в открытой при оккупантах церкви, подвергал себя опасности быть убитым в случае встречи с партизанами [Обозный 2008, с. 105–109]. С точки зрения содержания деятельности Русской Церкви этот этап распадается на две части. С сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г., как мы говорили выше, основной задачей церковного руководства было включить епархии, приходы, монастыри, существовавшие на присоединенных к Советскому Союзу территориях, в систему управления Московского Патриархата. С 22 июня 1941 г. ситуация изменилась. На первый план вышла задача выстраивания отноше-

ний с союзниками по антигитлеровской коалиции – Англией и США. Религиозный фактор играл здесь далеко не последнюю роль. Нужно было восстановить отношения с русскими эмигрантскими группами в США и англичанами. Убедить союзников, что в СССР нет гонений на религию. Последнее было жизненно важно, в частности, потому, что именно по причине наличия в Советской России преследований на религиозной почве представители религиозных групп в американском конгрессе и сенате блокировали подключение СССР к программе лендлиза [Васильева 1999, с. 137–148; Ketola 2012; Майнер 2010; Якунин (2) 2002, с. 67–74].

Следует упомянуть и еще один аспект деятельности представителей Церкви в 1941–1943 гг. С началом оккупации западных областей СССР в них шло стихийное и массовое открытие приходских храмов и (с меньшим размахом) монастырей, что еще раз показывало тщетность попыток советской власти свести на нет традиционную религиозность населения. Всего в 1941–1944 гг. на оккупированных территориях было открыто около 10 тыс. церквей и более 50 монастырей [Беглов 2008, с. 123–131]. Оккупационные власти стремились использовать религиозное возрождение в своих, прежде всего пропагандистских, целях, а советское руководство, в свою очередь, – перехватить у них инициативу. Проще всего для этого было использовать церковные каналы [Алексеев, Ставру 1980; Алексеев, Ставру 1981; Шкаровский 2002; Шкаровский 2003; Обозный 2008; Васильева, Кудрявцев, Лыкова 2009, с. 519–649; Соловьев, Шкаровский 2013].

Второй этап, 1943–(1945)–1948. Предшествующий этап «нового курса» завершился в сентябре 1943 г. 4 сентября состоялась знаменитая встреча Сталина, В.М. Молотова и полковника госбезопасности Г.Г. Карпова с тремя ми-

трополитами Русской Церкви, о чем на следующий день сообщили советские газеты. О «новом курсе» было заявлено открыто, он перестал быть тайной политикой советской власти. Вскоре были созданы Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам религиозных культов, которые должны были осуществлять эту новую гласную политику (это, впрочем, не означало, что все ее элементы были преданы гласности). 8 сентября на срочном организованном соборе епископов состоялись выборы Патриарха Московского и всея Руси. В преддверии встречи «большой тройки» в Тегеране союзники получили наглядное подтверждение того, что в СССР существует полная «свобода религии». Впрочем, отношения со странами антигитлеровской коалиции в религиозной политике советской власти теперь отходили на второй план. Наступил перелом во Второй мировой войне, Сталин думал о послевоенном устройстве мира, тем более что советские войска в скором времени должны были вступить на территорию Восточной Европы. Выстраивание отношений с православными церквями этого региона – Польской, Чешской, Румынской, Болгарской, Сербской, Финской – становилось главной задачей церковных дипломатов в ближайшей перспективе. Речь шла о создании системы православного единства вокруг Москвы, которая поначалу (до 1945 г.) должна была включать в себя прежде всего восточноевропейские православные церкви.

Обмен делегациями с Болгарской, Румынской и Сербской Церквями, а также щедрые подарки и денежные займы (по сути, безвозвратные), предоставленные их руководству, постепенно привели к тому, что эти Церкви стали координировать свою международную деятельность с Москвой и заняли лояльную позицию по отноше-

нию к просоветским режимам. Польская и Чешская Православные Церкви восстановили канонические связи с Русской Церковью. Последняя перешла в ее юрисдикцию, и в 1951 г. ей была дарована автокефалия. В 1948 г. Москва подтвердила автокефалию и Польской Церкви. Аналогичные переговоры велись и с Финляндской Православной Церковью, но они не привели к сколько-нибудь значимым результатам. Одновременно разворачивалась борьба за возвращение в юрисдикцию Московского Патриархата русских эмигрантских приходов [Васильева 1999; Волокитина, Мурашко, Носкова 2008, с. 63–93, 160–368; Каиль 2017, с. 19–40; Шкаровский (3) 2009, с. 1–27; Якунин (1) 2002; Якунин 2003, с. 43–51].

В целом к 1945–1946 гг. православные церкви Восточной Европы находились в орбите влияния Русской Православной Церкви, была создана система православного единства вокруг Москвы. Рост ее влияния продемонстрировал состоявшийся в январе – феврале 1945 г. Поместный собор Русской Церкви. Тогда же перед Московским патриархатом была поставлена еще более амбициозная задача: стать центром мирового православия, добиться доминирования не только среди церквей Восточной Европы, но и среди древних восточных патриархатов, сформировать своего рода «восточный Ватикан» в Москве [Васильева 1999, с. 163–165; Болотов 2011, с. 194–237; Чумаченко 2014, с. 142–148]. В документах тех лет речь шла прямо о «созыве Вселенского собора» в Москве с целью наделить патриарха Московского «статусом Вселенского» вместо Константинопольского патриарха. Тем самым советское руководство через религиозные институты вступало в большую игру за доминирование на Ближнем Востоке в надежде вытеснить из этого региона Великобританию. Открыл эту страни-

цу в истории «нового курса» визит патриарха Алексия I (Симанского) в Святую Землю в июне 1945 г. Кроме того, речь шла и об установлении доминирования Московского Патриархата в христианском (но не католическом) мире, о формировании религиозного центра, противопоставленного Ватикану, который воспринимался как противник советской внешней политики¹. Не вызывает сомнений, что такие масштабные задачи перед профильными ведомствами и церковными деятелями не мог поставить кто-либо иной кроме Сталина. Однако вопрос, в какой степени задачи созвать «Вселенский собор» и создать «восточный Ватикан» были реализуемы, оставался открытым.

Борьба за религиозное доминирование на Ближнем Востоке носила совсем другой характер, чем аналогичная борьба в Восточной Европе, где усилия советских ведомств и церковных деятелей могли опереться сначала на лояльные СССР режимы, а затем и на коммунистические правительства. Константинопольский патриархат и греческие (по национальности иерархии) церкви, находившиеся в его орбите (Александрийский и Иерусалимский патриархаты, Элладская и Кипрская Церкви), не собирались пассивно наблюдать за инициативами Москвы. Тем более что уже с конца XIX в. греческие и русские православные придерживались порой противоположных точек зрения на то, какая из поместных церквей должна первенствовать в православном мире (см.: [Герд 2016, с. 280–307]). Кроме то-

го, в Восточном Средиземноморье советской дипломатии (в том числе церковной) предстояло столкнуться с противодействием бывших союзников по антигитлеровской коалиции, которые и сами стремились укрепить свое влияние на патриархаты Константинополя и Ближнего Востока, а это влияние – отметим – и прежде было существенно более весомым, чем российское.

Характерно, что чрезмерную амбициозность поставленных задач понимали и церковные деятели. Они избегали говорить о «Вселенском соборе» в Москве и предпочитали упоминать о необходимости созвать совещание для обсуждения церковных вопросов. Но и такая формулировка встречала отпор со стороны греческих иерархов. В наиболее резкой форме их позиция была сформулирована предстоятелем Кипрской Православной Церкви [Васильева 1999, с. 169]. При этом созыв всеправославного форума в Москве отвечал как церковным, так и государственным интересам. Вот только интересы эти на этот раз совпадали не в полной мере. Русская Церковь была заинтересована в том, чтобы продолжить укрепление межправославных связей и обсуждение актуальных вопросов межправославных и межхристианских отношений. Власть же имела в виду усиление именно политического влияния Московского патриархата, а не только проведение консультаций. Так наметилось рассогласование задач, поставленных Церковью и властью (ср.: [Васильева 1999, с. 166–167]). В этом можно об-

1 Борьба с влиянием Ватикана шла не только на международной арене, но и внутри страны. В начале 1945 г. советское руководство взяло курс на ликвидацию католических церквей восточного обряда на территории СССР. Власти сделали ставку на сторонников объединения с Православной Церковью из числа клириков греко-католических (униатских) церквей, а противодействовавшие процессу ликвидации иерархии и священнослужители арестовывались. Русская Православная Церковь в этой ситуации должна была канонически оформить акт воссоединения. В марте 1946 г. таким образом была ликвидирована греко-католическая церковь в Галиции, в 1949 г. – в Закарпатье. Чуть позже по этой же схеме была ликвидирована уния в Восточной Европе: в 1949 г. – в Румынии, в 1950 г. – в Словакии. В странах социалистического блока легальное существование греко-католики продолжили только в Венгрии [Васильева 1999, с. 183–192; Носкова 2003, с. 144–165; Покивайлова 2003, с. 181–199; Волокитина, Мурашко, Носкова 2008, с. 371–416, 421–477; Вишиванюк 2011, с. 426–429; Вишиванюк 2012, с. 56–68].

наружить истоки кризиса «нового курса», который разразился летом 1948 г.²

Кризис «нового курса» (третий этап, август 1948 – май 1949 г.)

Усилия Совета по делам Русской Православной Церкви и самих иерархов по созыву в 1947 г. «предсоборного совещания» натолкнулись на противодействие Восточных патриархатов. В результате сроки созыва совещания были перенесены на год, а само оно приурочено к юбилею 500-летия автокефалии Русской Церкви. Праздничные мероприятия были поводом собрать представителей всех православных церквей, которые под другим предлогом могли в Москву и не поехать. Одновременно с юбилейными торжествами предполагалось провести «предсоборное совещание», хотя по мере его приближения становилось ясно, что решений об изменении статуса Московского патриархата на нем провести не удастся, а иерархи греческих церквей, хотя и будут присутствовать на торжествах, но в заседаниях участвовать не намерены.

«Совещание глав и представителей Православных церквей» (как теперь называли этот форум) открылось 8 июля и продолжалось до 18 июля 1948 г. [Васильева 1999, с. 163–180; Болотов 2011, с. 237–263]. На нем присутствовали представители десяти из тринадцати самостоятельных православных церквей. Александрийский патриархат делегировал свое представительство антиохийской делегации. Иеруса-

лимский Патриарх прислал телеграмму с извинениями, объяснив отсутствие своих представителей в Москве обстоятельствами арабо-израильской войны и осады Иерусалима. Позднее Иерусалимский патриархат одобрил решения совещания. Категорически отказалась от участия в московском форуме только Кипрская Церковь. Представители Константинопольского патриархата и Элладской Церкви присутствовали на торжественных мероприятиях и богослужениях, но уклонились от участия собственно в совещании.

Отметим, что юбилей церковной автокефалии отмечался с государственным размахом. Торжественные богослужения, заседания, приемы шли всю первую половину июля. В первый день состоялось «торжественное собрание глав и представителей автокефальных Православных Церквей», на котором его участники выступили с речами и поздравлениями в адрес Русской Церкви. В том числе, с речью выступил председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов, который подчеркнул, что Церковь в СССР пользуется «полной свободой» в своей внутренней жизни, а государственно-церковные отношения являются «вполне нормальными» [Деяния Совещания, т. 1, 1949, с. 16–17]. Ближе к концу совещания состоялся торжественный обед в Совете по делам Русской Православной Церкви, на котором присутствовало около 200 человек. В Большом зале Московской консерватории для участников совещания состоялся концерт церковных песнопений (небывалое событие для ста-

2 Отметим, что в историографии существует достаточно обоснованная точка зрения, согласно которой причины кризиса «нового курса» коренились не столько в неудачах международной деятельности Церкви, сколько в структурных противоречиях между ЦК ВКП(б) и правительством и в борьбе идеологического аппарата за контроль над Советом по делам Русской Православной Церкви и Советом по делам религиозных культов (см., напр.: [Роккуччи 2016, с. 294–295]). Нам представляется, что вопрос о том, в какой степени кризис «нового курса» был обусловлен международными, а в какой внутриполитическими факторами, требует дополнительного изучения.

линской Москвы!), которые исполнял патриарший хор под управлением В.С. Комарова при участии знаменитых певцов, солистов Большого театра и лауреатов Сталинской премии Н.Д. Шпиллер и И.С. Козловского. Последний день торжеств гости провели в Троице-Сергиевой лавре, а затем иностранные делегации посетили Ленинград, Киев, Тбилиси. В ходе торжеств в Москве были открыты подворья Антиохийской и Болгарской Церквей. Было также запланировано открытие подворья Сербской Православной Церкви, но его отложили из-за обострения отношений между руководством СССР и Югославии. Члены иностранных делегаций покидали СССР с щедрыми денежными подарками и драгоценными предметами церковного обихода, извлеченными из Гохрана.

На самом совещании обсуждались четыре ключевых вопроса, три из которых имели политический подтекст. Это вопросы об отношении православных церквей к экуменическому движению, об отношении к Ватикану, об отношении к англиканской иерархии и о церковном календаре. Экуменическое движение – движение за сближение и возможное объединение христианских церквей – зародилось в начале XX в., когда активное участие в нем принимали представители православных церквей. В 1920-е гг. началось организационное оформление движения, которое завершилось образованием в августе 1948 г. на ассамблее в Амстердаме Всемирного совета церквей. Организаторы ассамблеи прикладывали значительные усилия, чтобы обеспечить присутствие на этом мероприятии и представителей Русской Православной Церкви. Да и сама Русская Церковь не была готова сходу отвергать эту возможность. Патриарх Алексей I проводил длительные консультации, в том числе с зарубежными представителями Московско-

го патриархата и других православных церквей [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 445. Л. 23, 25–26, 40–55, 59–69, 148–151; Православие и экуменизм 1999; *Волокитина* 2003, с. 232–251]. Среди участников московского совещания был убежденный сторонник участия православных церквей в экуменическом движении – предстоятель Болгарской Православной Церкви экзарх Стефан (Шоков). Советские органы, курировавшие международную деятельность религиозных организаций, также не сразу определились с отношением к экуменическому движению. Они были готовы допустить участие Русской Церкви в амстердамской ассамблее, если бы можно было обеспечить ее доминирующее положение во Всемирном совете церквей или, по крайней мере, добиться от его участников отказа от поддержки русских церковных структур, оппозиционных Московскому патриархату. Однако ни того ни другого добиться было невозможно. Поэтому Совет по делам Русской Православной Церкви взял курс на бойкотирование ассамблеи в Амстердаме. Все экуменическое движение теперь рассматривалось как проводник «англо-американского империалистического влияния», поскольку в нем задавали тон протестантские деноминации. Итоговая резолюция московского Совещания говорила, что «целестремления экуменического движения» не соответствуют «идеалу христианства... как [его] понимает Православная Церковь».

В еще более жестких формулировках был составлен документ «Ватикан и Православная Церковь». Центр католического христианства и лично папа Пий XII были обвинены в сугубо политической деятельности, в борьбе с демократией, в защите фашизма, в разжигании братоубийственных войн. Резолюция «Об англиканской иерархии», хотя и в мягкой форме, констатирова-

ла невозможность признания епископата и рукоположений Церкви Англии со стороны православных церквей. Соответственно, закрывался вопрос о возможном объединении православных и англикан. О желательности для советской власти такого развития событий ее представители говорили еще в конце 1920-х гг. [АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 46]. В резолюции «О церковном календаре» участники совещания подтвердили необходимость одновременного празднования Пасхи всеми православными церквями по юлианскому календарю, тогда как праздники непасхального цикла было решено праздновать в соответствии с теми календарями (юлианским или григорианским), которые были приняты в православных церквях к моменту работы совещания. Такое положение сохраняется в православном мире до сегодняшнего дня. Помимо названных резолюций участники Совещания приняли «Обращение к христианам всего мира», в котором они констатировали непримиримые различия между католическим и протестантским Западом и православным Востоком и возлагали ответственность за опасность развязывания новой войны на агрессивный западный капиталистический и империалистический мир [Деяния Совещания, т. 2, 1949, с. 423–436, 450–452].

Как видим, повестка дня Совещания с одной стороны была согласована с властью, а с другой отвечала церковным интересам. Для Русской Церкви было важно провести обсуждение вопросов, актуальных для всего православия, и выработать по ним общую позицию, преодолеть изоляцию от остального православного мира и восстановить в нем свою позицию одного из лидеров. Поэтому Церковь в целом была удовлетворена результатами Совещания. В положительном ключе его результаты оценивал и Совет по делам

Русской Православной Церкви. Однако главная задача, поставленная «директивными инстанциями», – добиться первенства Московского патриаршего престола в православном мире – достигнута не была. Не шла речь и о создании «московского Ватикана» как центра консолидации некатолического христианского мира. Более того, последующие события продемонстрировали уязвимость единодушия, достигнутого на Совещании. Через месяц после закрытия московского Совещания в Амстердаме начала работу первая Ассамблея христианских церквей, на которую прибыли представители Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Элладской и Кипрской православных церквей. Особенно болезненным для Москвы стало присутствие в Амстердаме делегации Антиохийского патриархата, представители которого участвовали в московском Совещании и голосовали за резолюцию с осуждением экуменического движения. После открытия амстердамской ассамблеи стало ясно, что член антиохийской делегации митр. Илия (Карам), по сути, дезинформировал Москву о намерениях своего патриарха [Болотов 2011, с. 226–227, 256]. В ноябре 1948 г. на Константинопольский патриарший престол был избран Афинагор (Спиру), который до этого занимал архиепископскую кафедру в Америке. Это избрание состоялось под прямым давлением американской администрации, а новоизбранный патриарх прибыл в Стамбул на самолете президента США. Если учитывать это обстоятельство, а также то, что патриарх Афинагор, в отличие от своего предшественника, занимал последовательно антикоммунистическую позицию, становится понятным, что его назначение было ударом по позициям Москвы [ГА РФ. Ф. 6961. Оп. 1. Д. 291. Лл. 144–148, 186–193; Шкаровский 1999,

с. 304–305]. В условиях разворачивающейся холодной войны это имело особое значение для будущего межправославных отношений.

Такие ограниченные, с точки зрения власти, итоги московского совещания вызвали разочарование Сталина. То обстоятельство, что перед церковной дипломатией были поставлены заведомо нереализуемые цели, в расчет, разумеется, не принималось. Вскоре после окончания юбилейных торжеств явным образом проявилось охлаждение в государственно-церковных отношениях. В октябре 1948 г. Сталин отменил августовское постановление правительства о передаче верующим 18 храмов и 10 молитвенных домов. Причем за прошедшие два месяца большая их часть уже была передана верующим, там был проведен ремонт и начались богослужения. Это был явный сигнал местным и партийным властям о начале давления на Церковь. Перестали открываться новые храмы. Несмотря на позицию Совета по делам Русской Православной Церкви и тысячи ходатайств со стороны верующих, ни один храм не был открыт до 1954 г. Уполномоченные Совета перестали выдавать разрешение на служение (справку о регистрации) священнослужителям, имевшим судимость, а таких было большинство. Возобновились (хотя и не стали массовыми) аресты священнослужителей. В последующие месяцы Московской Патриархии под давлением властей пришлось наложить запрет на широко распространенные до этого момента молебны на полях, крестные ходы из села в село, внебогослужебные уроки Закона Божия с детьми, на традиционный крестный ход к водоемам в день праздника Богоявления (Крещения), на участие священнослужителей в паломничествах верующих, а также ограничить разъезды епископов по епархиям. «Заморозки» в отношениях с государ-

ством ощущались столь отчетливо, что Патриарх и иерархи опасались начала новой репрессивной волны. И действительно, в это же время в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) шла подготовка нового постановления ЦК об усилении антирелигиозной работы, которое – в свою очередь – могло стать еще одним сигналом для усиления давления на Православную Церковь [ГА РФ. Ф. 6961. Оп. 1. Д. 291. Лл. 139–139 об.; Беглов 2008, с. 105–106; Чумаченко 1999, с. 127, 136, 167; Шкаровский 1999, с. 342–346].

Набиравшая силу кампания была остановлена в мае 1949 г. опять же по личному указанию Сталина, который распорядился по поводу подготовленного постановления об антирелигиозной работе «решения не принимать». Оно так и осталось проектом. В это же время обозначилось новое направление международной деятельности Русской Православной Церкви. Как раз в конце 1940-х гг. все больший размах набирало мировое движение сторонников мира, которое не было инспирировано Советским Союзом, но активно использовалось им в пропагандистских целях. Именно в международное миротворческое движение в 1949 г. включились представители Московской патриархии. В апреле 1949 г. митр. Николай (Ярушевич) участвовал в Конгрессе защитников мира в Париже и вошел в состав постоянного комитета образованного тогда Всемирного совета мира. В августе 1949 г. представители Церкви участвовали в первой Всесоюзной конференции сторонников мира и после этого были представлены в Советском комитете защиты мира. В 1950 г. Церковь внесла значительный вклад в сбор подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении ядерного оружия. В 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре была проведена уже специально религиозная Конференция всех церквей и рели-

гиозных объединений в СССР в защиту мира [Чумаченко 1999, с. 122; Шкаровский 1999, с. 306–307; Волокитина, Мурашко, Носкова 2008, с. 122–136; Король 2013, с. 25–37]. Так в 1949 г. начался четвертый этап «нового курса» в государственно-церковных отношениях, продолжавшийся до ревизии самой политики «нового курса» в 1958 г.

Впрочем, как отмечает итальянский историк А. Роккуччи, включение Церкви в международное движение борьбы за мир было не вполне равноценной заменой борьбе за лидерство в православном и шире – в христианском мире, поскольку не предполагало достижение какой-то конкретной цели. Поэтому значимость церковной дипломатии по сравнению с периодом 1941–1948 гг. теперь заметно снижалась [Роккуччи 2016, с. 258–259, 300–301]. Вместе с тем выход политики «нового курса» из кризиса 1948–1949 гг. привел к стабилизации положения Русской Православной Церкви в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Церковь могла и дальше, хотя и с некоторой оглядкой, продолжать свою деятельность в рамках сложившегося в 1940-е гг. *modus vivendi*.

Заключение

Рассмотренное нами десятилетие (1939–1949 гг.) было одним из ключевых этапов государственно-церковных отношений советского периода. В это время государство постепено отказалось от курса на уничтожение Церкви и других религиозных институтов, который был принят в 1922 г. в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, и перешло к стратегии инструментализации религиозных объединений СССР, к прагматическому использованию их авторитета в своих, прежде всего, внешнеполитических интересах. Такая стратегия в целом сохраняла ак-

туальность до конца советского периода. Вместе с тем, несмотря на жесткую прагматичность и даже циничность подобной политики, в рассмотренный период советское руководство понимало, что успешная международная деятельность религиозных лидеров может осуществляться лишь при наличии хотя бы ограниченных уступок в отношении представляемых ими объединений внутри страны. Такой поворот позволил Русской Православной Церкви после двадцатилетнего перерыва возвратиться к международной деятельности, которая протекала теперь в русле политики уже не христианской империи, а советского государства. Направления международной активности Церкви были разнообразны и простирались от коммуникаций с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции до утверждения господства Москвы в кругу восточноевропейских православных церквей.

Кроме того, указанный поворот в государственной политике позволил воссоздать епархиальные структуры, открыть храмы и духовные учебные заведения, легализовать монашескую жизнь. Вторая половина 1940-х гг. стала временем наибольшего подъема церковной жизни за полвека – между концом 1930-х и концом 1980-х гг. В это время действовали почти 14 тыс. православных храмов (большинство из них были стихийно открыты во время немецкой оккупации, а затем легализованы советской властью), шесть семинарий и две духовные академии, более полусотни монастырей (почти все они так же, как и храмы, находились в западных районах страны). Это были максимальные статистические показатели за указанные полвека церковной истории. Такое стало возможным благодаря временному совпадению интересов Церкви и советского государства. Однако совпадение интересов не явля-

лось полным, и это было чревато кризисами в государственно-церковных отношениях, подобных тому, что разразился летом 1948 г.

Список литературы

Алексеев В.И., Ставру Ф. (1980) Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126.

Алексеев В.И., Ставру Ф. (1981) Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. № 1(13). С. 75–97; № 2(14). С. 118–154; № 3(15). С. 85–100; № 4(16). С. 91–121; № 5(17). С. 97–114; № 6(18). С. 105–125.

Балашов Н. (протоиер.), Бибииков М.В. (ред.) (2016) История Русского Православного зарубежья. Т. 1. Русское Православное зарубежье до 1917 г. Книга 1. Русское православное присутствие на христианском Востоке. X – нач. XX вв. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ.

Беглов А. (2008) В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа».

Беглов А.Л. (2018) «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // История. Т. 9. Вып. 4 (68) // <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1>, дата обращения 19.05.2018. DOI: 10.18254/S0002219-9-1.

Белякова Н.А. (2008) Православная Церковь на развалинах Империи: о способах решения вопроса о самоуправлении // Воробьев В., Ковырзин К.В. (ред.) 1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания патриарха Тихона. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. С. 224–250.

Белякова Н.А. (2017) Церкви в холодной войне. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 7–18.

Болотов С.В. (2011) Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Васильева О.Ю. (1999) Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: Институт российской истории.

Васильева О.Ю. (2004) Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М.: Лепта-Пресс.

Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. (ред.) (2009) Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Вах К.А. (2017) Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина), 1865–1894 гг. // Вах К.А. (ред.) К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М.: Индрик. С. 459–532.

Вишиванюк А.В. (2011) Операция ликвидации Украинской Греко-Католической Церкви по документам УНКГБ по Львовской области (1944–1946 гг.) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. № 21. С. 426–429.

Вишиванюк А.В. (2012) К вопросу о роли иерархии и духовенства Русской Православной Церкви в кампании ликвидации Украинской Греко-Католической Церкви в 1945–1949 гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 3(46). С. 56–68.

Волокитина Т.В. (2003) Советское руководство, Русская православная церковь и экуменическое движение

(40–50-е годы XX в.) // Мурашко Г.П. (ред.) *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. (Дискуссионные аспекты)*. М.: Институт славяноведения РАН. С. 232–251.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. (2008) *Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории*. М.: РОССПЭН.

Герд Л. (2016) *Константинопольская патриархия и Русская церковь перед революцией // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1(34). С. 280–307.

Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 г. Тт. 1–2. (1949). М.

Жалнина-Василькиоти И.Л., Шкаровский М.В. (2017) *Русская Свято-Троицкая церковь в Афинах: прошлое и настоящее*. СПб.: Родник.

Каиль М. (2017) «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1. С. 19–40.

Климент (Капалин) (митр.) (2009) *Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года*. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Комаров А., Токарева Е. (2014) *Католическая церковь и формирование национального самосознания в Эстонии в межвоенный период (по документам архивов Ватикана) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 4(32). С. 136–159.

Король В.Л. (2013) *Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви на международной арене (1956–1991) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Ку-*

палы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. № 2(152). С. 25–37.

Косик О.В. (2013) *Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов)*. М.: Изд-во ПСТГУ.

Кострюков А.А. (2011) *Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью*. М.: Изд-во ПСТГУ.

Кострюков А.А. (2015) *Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве*. М.: Изд-во ПСТГУ.

Курляндский И.А. (2011) *Сталин, власть, религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.)*. М.: Кучково поле.

Лисовой Н.Н. (2006) *Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик*.

Мазырин А. (свящ.) (2016) *К вопросу о русском факторе в срыве Всеправославного собора в 1920–1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1(34). С. 333–357.

Мазырин А. (свящ.), Кострюков А.А. (2017) *Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке*. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Майнер С.М. (2010) *Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945*. М.: РОССПЭН.

Митрофан (Шкурин) (игум.) (2006) *Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории*. № 1. С. 162–175.

Митрофанов Г. (свящ.) (1995) Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб.: Ноах.

Носкова А.Ф. (2003) Греко-католическая церковь в контексте решения национально-территориальных проблем. 1945–1947 гг. (СССР, Польша, Чехословакия) // Мурашко Г.П. (ред.) Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. (Дискуссионные аспекты). М.: Институт славяноведения РАН. С. 144–165.

Обозный К.П. (2008) История Псковской Православной миссии. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории.

Одинцов М.И., Кочетова А.С. (2014) Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН.

Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. (2013) Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб.: Литера.

Плякин М. (свящ.) (2017) Гонения на Русскую Православную Церковь в 1940-е годы // Труды Саратовской православной духовной семинарии: Сборник. Вып. XI. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии. С. 169–182.

Покивайлова Т.А. (2003) Конфессиональная ситуация в Трансильвании и ликвидация униатской церкви в Румынии (40-е годы XX в.) // Мурашко Г.П. (ред.) Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. (Дискуссионные аспекты). М.: Институт славяноведения РАН. С. 181–199.

Полунов А.Ю. (2012) Православие на международной арене. 1914–1918 гг.

Историко-культурный концепт и его эволюция // Россия XXI. № 6. С. 64–85.

Православие и экуменизм. Документы и материалы. 1902–1998 (1999). М.

Роккуччи А. (2016) Сталин и патриарх. Православная Церковь и советская власть. 1917–1958. М.: РОССПЭН.

Сарни М. (2003) Русская Церковь в Лондоне // Альфа и Омега. № 4(38). С. 297–324.

Смирнова И.Ю. (2016) Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М.: РОССПЭН.

Соловьев И. (свящ.) (2008) Раскольническая деятельность «обновленцев» в русском зарубежье // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М. С. 273–281.

Соловьев И. (свящ.), Шкаровский М.В. (2013) Церковь против большевизма. Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Стефан (Садо) (игум.) (1996) Российская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. № 13. С. 73–112.

Тихвинский С.Л., Мясников В.С., Ипатов А.С., Поздняев Д. (свящ.) (ред.) (1997) История Российской Духовной Миссии в Китае: Сборник статей. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства.

Цыпин В. (прот.) (1997) История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Чех А.А. (2001) Николай-до: Святитель Николай Японский: Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников. СПб.: Вѣблѳологія.

Чумаченко Т.А. (1999) Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX.

Чумаченко Т.А. (2014) В русле внешней политики сталинского руководства: Русская Православная Церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 годы // Вестник Челябинского государственного университета. № 22(351). История. Вып. 61. С. 142–148.

Шкаровский М.В. (1999) Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Шкаровский М.В. (2002) Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Шкаровский М.В. (2003) Политика Третьего рейха по отношению Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг.: Сборник документов. М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Шкаровский М.В. (1) (2009) История русской церковной эмиграции. СПб.: Алетей.

Шкаровский М.В. (2) (2009) Православная духовная миссия в Корею // Известия корееведения в Центральной Азии. Алма-Ата. № 8(16). С. 78–113.

Шкаровский М.В. (3) (2009) Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–

1953 годах // *Acta Slavica Iaponica*, no 27, pp. 1–27.

Якунин В.Н. (1) (2002) Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Научно-технический центр.

Якунин В.Н. (2) (2002) Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны // *Власть*. № 12. С. 67–74.

Якунин В.Н. (2003) Внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Самарского государственного университета. № 1(27). С. 43–51.

Beglov A., Belyakova N. (2012) International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War // *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference* (ed. Filo J.), Bratislava, pp. 171–192.

Beljakova N., Bremer T., Kunter K. (2016) «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte, Herder Verlag.

Ketola H.-M. (2012) Relations between the Church of England and the Russian Orthodox Church during the Second World War, 1941–1945, Helsinki.

Miner S.M. (2003) *Stalin's Holy War. Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945*, The University of North Carolina Press.

The Pages of the Past

International Activity of the Russian Orthodox Church during the “New Deal” Between the State and the Church. Periodization and the Elements of Crisis

Alexey L. BEGLOV

PhD in History, Senior Researcher, Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, National Research Nuclear University “MEPhI”. Address: 32A, Leninskij Av., Moscow, 119334, Russian Federation.
E-mail: beglov.al@yandex.ru

CITATION: Beglov A.L. (2018) International Activity of the Russian Orthodox Church during the “New Deal” Between the State and the Church. Periodization and the Elements of Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 104–129 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129

ABSTRACT. *The article describes the international activities of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate during the “new deal” in the state-church relations (late 1930s – first half of the 1950s). Depending on the direction of the international activities of the Russian Church, which the Soviet leadership considered to be the priority of the moment, the author outlines five main stages of the “new deal”. The first stage dated to the late 1930s – 1943, when the “new policy” remained a secret policy of the Stalinist leadership aimed at including Orthodox religious structures in the new territories, included into the USSR in 1939–1940, into the management system of the Moscow Patriarchate, and then to establish contacts with allies on religious channels through the anti-Hitler coalition. The second stage occurred in 1943–1948, when the main efforts of church diplomacy were aimed at including the Orthodox Churches of Eastern Europe in the orbit the influence of the Moscow Patriarchate and (after 1945) an unsuccessful attempt was made to achieve the leading role of the Rus-*

sian Orthodox Church in the world Orthodoxy. The third stage occurred in 1948–1949, when the crisis of the “new deal” took shape. Finally, the fourth stage began after 1949 with the inclusion of the Russian Orthodox Church in the international movement for peace and overcoming the crisis of state-church relations. The author pays special attention to the Moscow meeting of the heads and representatives of the Orthodox Churches of 1948, which revealed a divergence in the interests of the state and the Church and launched a crisis of the “new deal”. In addition, the article makes an excursion into the history of foreign policy activity of representatives of the Russian Orthodox Church in the period before the 1917 revolution, as well as its international relations in the interwar period.

KEY WORDS: *The history of Russia (USSR) in the 20th century, the Russian Orthodox Church, international relations, the religious policy under Stalin, the “new deal” in the state and church relations, the international activities of religious organizations*

of the USSR, *Orthodoxy in the countries outside Russia, the Meeting of the heads and representatives of autocephalous Orthodox Churches in 1948*

References

- Alekseev V.I., Stavru F. (1980) Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' na okkupirovannoy nemtsami territorii [The Russian Orthodox Church in the German-Occupied Territory]. *Russkoe vozrozhdenie*, no 11, pp. 91–118; no 12, pp. 108–126;
- Alekseev V.I., Stavru F. (1981) Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' na okkupirovannoy nemtsami territorii [The Russian Orthodox Church in the German-Occupied Territory]. *Russkoe vozrozhdenie*, no 1(13), pp. 75–97; no 2(14), pp. 118–154; no 3(15), pp. 85–100; no 4(16), pp. 91–121; no 5(17), pp. 97–114; no 6(18), pp. 105–125.
- Balashov N. (protoier.), Bibikov M.V. (ed.) (2016) *Istoriya Russkogo Pravoslavnogo zarubezh'ya. T. 1. Russkoe Pravoslavnoe zarubezh'e do 1917 g. Kniga 1. Russkoe pravoslavnoe prisutstvie na khristianskom Vostoke. X – nach. XX vv.* [History of the Russian Orthodox Diaspora. Vol. 1. Russian Orthodox Abroad before 1917. Book 1. Russian Orthodox Presence in the Christian East. X – beg. XX Centuries], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarkhii RPTs.
- Beglov A. (2008) *V poiskakh «bezgreshnykh katakomb»*. Tserkovnoe podpol'e v SSSR [In Search of “Ideal Church Catacombs”. Church Underground in the USSR], Moscow: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi, «Arefa».
- Beglov A.L. (2018) «Krestovyi pokhod molitv» 1930 g. i reaktsiya na nego v SSSR [“Prayers Crusade” of 1930 and the Reaction to It in the USSR]. *Istoriya*, vol. 9, issue 4(68). Available at: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1>, accessed 19.05.2018. DOI: 10.18254/S0002219-9-1.
- Beglov A., Belyakova N. (2012) International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference* (ed. Filo J.), Bratislava, pp. 171–192.
- Beljakova N., Bremer T., Kunter K. (2016) *«Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte*, Herder Verlag.
- Belyakova N.A. (2008) Pravoslavnyaya Tserkov' na razvalinakh Imperii: o sposobakh resheniya voprosa o samoupravlenii [Orthodox Church on the Ruins of the Empire: on Ways to Resolve the Issue of Self-government]. *1917-j: Tserkov' i sud'by Rossii. K 90-letiyu Pomestnogo Sobora i izbraniya patriarkha Tikhona* [1917: the Church and the Fate of Russia. On the 90th Anniversary of the All-Russian Sobor and the Election of Patriarch Tikhon] (eds. Vorob'ev V., Kovyrzin K.V.), Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tikhonovskij gumanitarnyj universitet, pp. 224–250.
- Belyakova N.A. (2017) Tserkvi v kholidnoj vojne. Vvedenie [Church in the Cold War. Introduction]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 7–18.
- Bolotov S.V. (2011) *Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' i mezhdunarodnaya politika SSSR v 1930-e – 1950-e gody* [Russian Orthodox Church and International Politics of the USSR in the 1930s – 1950s], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.
- Chekh A.A. (2001) *Nikolaj-do: Svyatitel' Nikolaj Yaponskij: Kratkoe zhizneopisanie. Vyderzhki iz dnevnikov* [Nikolay-do: St. Nicholas of Japan: A Brief Biography. Excerpts from the Diaries], Saint Petersburg: Βιβλιοπολις.
- Chumachenko T. A. (1999) *Gosudarstvo, pravoslavnyaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961 gg.* [The State, the Orthodox Church, the Faithful. 1941–1961], Moscow: AIRO-XX.
- Chumachenko T.A. (2014) *V rusle vneshnej politiki stalinskogo rukovodstva*

va: Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Patriarkhaty Blizhnego Vostoka. 1943–1953 gody [In Line with the Foreign Policy of the Stalinist Leadership: the Russian Orthodox Church and the Patriarchates of the Middle East. 1943–1953 Years]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 22(351). Istoriya. Issue 61, pp. 142–148.

Deyaniya Soveshchaniya glav i predstavitelej Avtokefal'nykh Pravoslavnykh Tserkvej v svyazi s prazdnovaniem 500-letiya avtokefalii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi. 8–18 iyulya 1948 g. Tt. 1–2 [Acts of the Meeting of the Heads and Representatives of the Autocephalous Orthodox Churches in Connection with the Celebration of the 500th Anniversary of the Autocephaly of the Russian Orthodox Church. 8–18 July 1948. Vol. 1–2] (1949), Moscow.

Gerd L. (2016) Konstantinopol'skaya patriarkhiya i Russkaya tserkov' pered revolyutsiej [The Patriarchate of Constantinople and the Russian Church before the Revolution]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1(34), pp. 280–307.

Kail' M. (2017) «Pravoslavnyj faktor» v sovetskoj diplomatii: mezhdunarodnye kommunikatsij Moskovskogo patriarkhata serediny 1940-kh gg. [“Orthodox Factor” in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 19–40.

Ketola H.-M. (2012) *Relations between the Church of England and the Russian Orthodox Church during the Second World War, 1941–1945*, Helsinki.

Kliment (Kapalin) (mitr.) (2009) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Aliaske do 1917 goda* [The Russian Orthodox Church in Alaska until 1917], Moscow: OLMA Media Grupp.

Komarov A., Tokareva E. (2014) *Katolicheskaya tserkov' i formirovanie natsional'nogo samosoznaniya v Estonii*

v mezhvoennyj period (po dokumentam arkhivov Vatikana) [The Roman Catholic Church and the Construction of National Identity in Estonia in the Interwar Period (According to Vatican Archival Materials)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 4(32), pp. 136–159.

Korol' V.L. (2013) *Mirotvorcheskaya deyatelnost' Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi na mezhdunarodnoj arene (1956–1991)* [Peacekeeping Activity of the Russian Orthodox Church in the International Arena (1956–1991)]. *Vesnik Grodzenskaga dziazhaŭnaga ŭniversiteta imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Gistoryia i arkhealogiya. Filasofiya. Palitalogiya*, no 2(152), pp. 25–37.

Kosik O.V. (2013) *Golosa iz Rossii: Ocherki sbora i peredachi za granitsu informatsii o polozhenii Tserkvi v SSSR (1920-e – nachalo 1930-kh godov)* [Voices from Russia: Essays on the Collection and Transfer of Information Abroad about the Situation of the Church in the USSR (1920s – early 1930s)], Moscow: Izdatel'stvo PSTGU.

Kostrjukov A.A. (2011) *Russkaya Zarubezhnaya Tserkov' v 1925–1938 gg. Yurisdiktsionnye konflikty i otnosheniya s moskovskoj tserkovnoj vlast'ju* [Russian Church Abroad in 1925–1938. Jurisdictional Conflicts and Relations with the Moscow Church Authorities], Moscow: Izdatel'stvo PSTGU.

Kostrjukov A.A. (2015) *Russkaya Zarubezhnaya Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoe ustrojstvo i otnosheniya s Tserkov'ju v Otechestve* [Russian Church Abroad in 1939–1964. Administrative Structure and Relations with the Church in the Fatherland], Moscow: Izdatel'stvo PSTGU.

Kurlyandskij I.A. (2011) *Stalin, vlast', religiya (religioznyj faktor vo vnutrennej politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Power, Religion (A Religious Factor in the Domestic Policy of the Soviet State in 1922–1953)], Moscow: Kuchkovo pole.

Lisovoj N.N. (2006) *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX – early XX Century], Moscow: Indrik.

Miner S.M. (2010) *Stalinskaya svyashchennaya vojna. Religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika. 1941–1945* [Stalin's Holy War. Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945], Moscow: ROSSPEN.

Mazyrin A. (sviashch.) (2016) K voprosu o russkom faktore v sryve Vsepravoslavnogo sobora v 1920–1930-e gg. [To the Question of the Russian Factor in the Failure of the All-Orthodox Council in the 1920s–1930s]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1(34), pp. 333–357.

Mazyrin A. (sviashch.), Kostriukov A.A. (2017) *Iz istorii vzaimootnoshenii Russkoj i Konstantinopol'skoj Tserkvej v XX veke* [From the History of the Relationship Between the Russian and the Constantinople Churches in the Twentieth Century], Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tikhonovskij gumanitarnyj universitet.

Miner S.M. (2003) *Stalin's Holy War. Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945*, The University of North Carolina Press.

Mitrofan (Shkurin) (igum.) (2006) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i sovetskaya vneshnyaya politika v 1922–1929 godakh* (Po materialam Antireligioznoi komissii) [The Russian Orthodox Church and Soviet Foreign Policy in 1922–1929 (Based on the Materials of the Antireligious Commission)]. *Vestnik tserkovnoj istorii*, no 1, pp. 162–175.

Mitrofanov G. (sviashch.) (1995) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Rossii i v emigratsii v 1920-e gody. K voprosu o vzaimootnosheniyakh Moskovskoj Patriarkhii i russkoj tserkovnoj emigratsii v period 1920–1927 gg.* [The Russian Orthodox Church in Russia and in Exile in the

1920s. To the Question of the Relationship Between the Moscow Patriarchate and Russian Ecclesiastical Emigration in the Period 1920–1927], Saint Petersburg: Noakh.

Noskova A.F. (2003) *Greko-katolicheskaya tserkov' v kontekste resheniya natsional'no-territorialnykh problem. 1945–1947 gg.* (SSSR, Pol'sha, Chekhoslovakiia) [The Greek Catholic Church in the Context of Solving National and Territorial Problems. 1945–1947 (USSR, Poland, Czechoslovakia)]. *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoj Evropy. 1939–1958. (Diskussionnyye aspekty)* [Power and Church in the USSR and Eastern Europe. 1939–1958. (Discussion aspects)] (ed. Murashko G.P.), Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 144–165.

Oboznyi K.P. (2008) *Istoriya Pskovskoj Pravoslavnoj missii. 1941–1944 gg.* [History of the Pskov Orthodox Mission. 1941–1944], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelej tserkovnoj istorii.

Odintsov M.I., Chumachenko T.A. (2013) *Sovet po delam Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: epokha vzaimodejstviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg.* [Council on the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (SM) of the USSR and the Moscow Patriarchate: an Era of Interaction and Confrontation. 1943–1965], Saint Petersburg: Litera.

Odintsov M.I., Kochetova A.S. (2014) *Konfessional'naya politika v Sovetskom Soyuze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Confessional Policy in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945], Moscow: ROSSPEN.

Plyakin M. (sviashch.) (2017) *Goneniya na Russkuyu Pravoslavnuyu Tserkov' v 1940-e gody* [Persecution of the Russian Orthodox Church in the 1940s]. *Trudy Saratovskoj pravoslavnoj dukhovnoj seminarii: Sbornik*. Vyp. XI [Proceedings of the

Saratov Orthodox Theological Seminary: Collection. Issue XI], Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoj mitropolii, pp. 169–182.

Pokivajlova T.A. (2003) *Konfessional'naya situatsiya v Transil'vanii i likvidatsiya uniatskoj tserkvi v Rumynii (40-e gody XX v.)* [The Confessional Situation in Transylvania and the Liquidation of the Uniate Church in Romania (40s of the 20th Century)]. *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoj Evropy. 1939–1958. (Diskussionnye aspekty)* [Power and Church in the USSR and Eastern Europe. 1939–1958. (Discussion Aspects)] (ed. Murashko G.P.), Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 181–199.

Polunov A.Yu. (2012) *Pravoslavie na mezhdunarodnoj arene. 1914–1918 gg. Istoriko-kul'turnyj kontsept i ego evolyutsiya* [Orthodoxy in the International Arena. 1914–1918. The Historical and Cultural Concept and Its Evolution]. *Rossiya XXI*, no 6, pp. 64–85.

Pravoslavie i ekumenizm. Dokumenty i materialy. 1902–1998 [Orthodoxy and Ecumenism. Documents and Materials. 1902–1998] (1999), Moscow.

Roccucci A. (2016) *Stalin i patriarkh. Pravoslavnaya Tserkov' i sovetskaya vlast'. 1917–1958* [Stalin and the Patriarch. The Orthodox Church and the Soviet Government. 1917–1958], Moscow: ROSSPEN.

Sarni M. (2003) *Russkaya Tserkov' v Londone* [Russian Church in London]. *Al'fa i Omega*, no 4(38), pp. 297–324.

Shkarovskij M.V. (1999) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church Relations in the USSR in 1939–1964)], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Shkarovskij M.V. (2002) *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov' (Natsistskaya politika v otnoshenii Pravoslavnoj Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoj territorii SSSR)* [Nazi

Germany and the Orthodox Church (Nazi Policy Towards the Orthodox Church and Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR)], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Shkarovskij M.V. (2003) *Politika Tre'tego rejkh'a v otnoshenii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi v svete arkhivnykh materialov 1935–1945 gg.: Sbornik dokumentov* [The Policy of the Third Reich in Relation to the Russian Orthodox Church in the Light of the Archival Materials of 1935–1945: Collection of Documents], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Shkarovskij M.V. (1) (2009) *Istoriya russkoj tserkovnoj emigratsii* [History of Russian Ecclesiastical Emigration], Saint Petersburg: Alateya.

Shkarovskij M.V. (2) (2009) *Pravoslavnaya dukhovnaya missiya v Koree* [Orthodox Spiritual Mission in Korea]. *Izvestiya koreevedeniya v Tsentral'noj Azii*, no 8(16), pp. 78–113.

Shkarovskij M.V. (3) (2009) *Stalinskaya religioznaya politika i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1943–1953 godakh* [Stalin's Religious Policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *Acta Slavica Iaponica*, no 27, pp. 1–27.

Smirnova I.Yu. (2016) *Mezhdum Zapadom i Vostokom: iz istorii tserkovno-diplomaticeskikh otnoshenij na Blizhnem i Dal'nem Vostoke* [Between the West and the East: from the History of Church-diplomatic Relations in the Middle and Far East], Moscow: ROSSPEN.

Solov'ev I. (svyashch.) (2008) *Raskol'nicheskaya deyatelnost' «obnovlentsjev» v russkom zarubezh'e* [Activities of the "Renovationists" in the Russian Abroad, Aimed at the Schism in the Orthodox Church]. *XVIII Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta: Materialy. T. 1.* [XVIII Annual Theological Conference of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities: Materials. Vol. 1], Moscow, pp. 273–281.

Solov'ev I. (svyashch.), Shkarovskij M.V. (2013) *Tserkov' protiv bolshevizma (Mitropolit Sergij (Voskresenskij) i Ekzarhat Moskovskoj Patriarhii v Pribaltike. 1941–1944 gg.)* [Church against Bolshevism (Metropolitan Sergij (Voskresenskij) and the Exarchate of the Moscow Patriarchate in the Baltic Region, 1941–1944)], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Stefan (Sado) (igum.) (1996) Rossijskaya pravoslavnaya missiya v Urmii (1898–1918) [The Russian Orthodox Mission in Urmia (1898–1918)]. *Khristianskoe chtenie*, no 13, pp. 73–112.

Tikhvinskij S.L., Miasnikov V.S., Ipatova A.S., Pozdniaev D. (eds.) (1997) *Istoriya Rossijskoj Dukhovoju Missii v Kitae. Sbornik statej* [History of the Russian Spiritual Mission in China. Digest of Articles], Moscow: Izdatel'stvo Svyato-Vladimirskogo bratstva.

Tsyplin V. (prot.) (1997) *Istoriya Russkoj Tserkvi. 1917–1997* [History of the Russian Church. 1917–1997], Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya.

Vakh K.A. (2017) Bor'ba za Russkuiu Dukhovnyyu Missiyu v Ierusalime: epokha arkhimandrita Antonina (Kapustina). 1865–1894 gg. [The Struggle for the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem: the Epoch of Archimandrite Antonin (Kapustin). 1865–1894 years]. *K.P. Pobedonostsev i Russkaya dukhovnaya missiya v Ierusalime v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III. K 170-letiyu osnovaniya* [K.P. Pobedonostsev and The Russian Spiritual Mission in Jerusalem During the Reign of Emperor Alexander III. To the 170th Anniversary of the Foundation] (ed. Vakh K.A.), Moscow: Indrik, pp. 459–532.

Vasil'eva O.Yu. (1999) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Politics of the Soviet State in 1943–1948], Moscow.

Vasil'eva O.Yu. (2004) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroj Vatikanskij Sobor*

[The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council], Moscow: Lep-ta-Press.

Vasil'eva O.Yu., Kudryavtsev I.I., Lykova L.A. (eds.) (2009) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov* [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of Documents], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Vishivanyuk A.V. (2011) Operatsiya likvidatsii Ukrainskoj Greko-Katolicheskoi Tserkvi po dokumentam UNKGB po L'vovskoj oblasti (1944–1946 gg.) [The Operation of Liquidation of the Ukrainian Greek Catholic Church According to the Documents of the UNKGB for the Lviv Region (1944–1946)]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, vol. 1, no 21, pp. 426–429.

Vishivanyuk A.V. (2012) K voprosu o roli ierarkhii i dukhovenstva Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi v kampanii likvidatsii Ukrainskoj Greko-Katolicheskoi Tserkvi v 1945–1949 gg. [To the Question of the Role of the Hierarchy and Clergy of the Russian Orthodox Church in the Campaign of the Liquidation of the Ukrainian Greek Catholic Church in 1945–1949]. *Vestnik PSTGU. II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi*. Issue 3(46), pp. 56–68.

Volokitina T.V. (2003) Sovetskoe rukovodstvo, Russkaya pravoslavnaya tserkov' i ekumenicheskoe dvizhenie (40–50-e gody XX v.) [The Soviet Leadership, the Russian Orthodox Church and the Ecumenical Movement (40–50s of the 20th Century)]. *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoj Evropy. 1939–1958. (Diskussionnye aspekty)* [Power and Church in the USSR and Eastern Europe. 1939–1958. (Discussion Aspects)] (ed. Murashko G.P.), Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 232–251.

Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. (2008) *Moskva i Vostochnaya Ev-*

ropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50-kh godov XX veka: Ocherki istorii [Moscow and Eastern Europe. Power and Church in the Period of Social Transformations of the 40–50-ies of the Twentieth Century: Essays on History], Moscow: ROSSPEN.

Yakunin V.N. (1) (2002) *Vneshnie svyazi Moskovskoj Patriarhii i rasshirenie ee yurisdiktsii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [International Relations of the Moscow Patriarchate and Expansion of Its Jurisdiction during the Great Patriotic War of 1941–1945], Samara: Nauchno-tehnicheskij tsentr.

Yakunin V.N. (2) (2002) *Izmenenie gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij v*

gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Change in State-church Relations during the Great Patriotic War]. *Vlast'*, no 12, pp. 67–74.

Yakunin V.N. (2003) *Vneshnie svyazi Russkoj Pravoslavnoj tserkvi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [International Relations of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1(27), pp. 43–51.

Zhalnina-Vasil'kioti I.L., Shkarovskij M.V. (2017) *Russkaya Svyato-Troitskaya tserkov' v Afinakh: proshloe i nastoyashchee* [The Russian Holy Trinity Church in Athens: Past and Present], Saint Petersburg: Rodnik.